

Горюнов Алексей Владимирович

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ОБЩЕСТВО, ИЛИ СОСТОЯТЕЛЕН ЛИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ?

В статье рассматривается проблема взаимного влияния технологии и общества, главным образом, в контексте развития информационных технологий. Автор, отвергая технологический детерминизм, обосновывает тезис, что социальные изменения являются следствием не новых технологий самих по себе, а определённого социально обусловленного способа их применения. Основное внимание в работе уделяется концепциям, описывающим влияние на современное общество информационных технологий. В связи с этим анализируются взгляды основоположников теории информационного общества (Д. Белл, Э. Тоффлер, Й. Масуда и др.), а также подходы современных зарубежных и отечественных исследователей к проблеме роли информационных технологий в обществе (М. Кастельс, Д. В. Иванов, А. П. Назаретян и др.).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-1/12.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. I. С. 54-58. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 1

В статье рассматривается проблема взаимного влияния технологии и общества, главным образом, в контексте развития информационных технологий. Автор, отвергая технологический детерминизм, обосновывает тезис, что социальные изменения являются следствием не новых технологий самих по себе, а определённого социально обусловленного способа их применения. Основное внимание в работе уделяется концепциям, описывающим влияние на современное общество информационных технологий. В связи с этим анализируются взгляды основоположников теории информационного общества (Д. Белл, Э. Тоффлер, Й. Масуда и др.), а также подходы современных зарубежных и отечественных исследователей к проблеме роли информационных технологий в обществе (М. Кастельс, Д. В. Иванов, А. П. Назаретян и др.).

Ключевые слова и фразы: общество; информационные технологии; социальные изменения; информационное общество; технологический детерминизм.

Алексей Владимирович Горюнов, к. филос. н.

Кафедра философии

Ульяновский государственный университет

algor74@inbox.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ОБЩЕСТВО, ИЛИ СОСТОЯТЕЛЕИ ЛИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ?[©]

Работа создана при поддержке гранта ФЦП Министерства образования и науки РФ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

Целый пласт исследований в социальной философии и футурологии в том числе, посвящённых проблеме постиндустриального/информационного общества, основывается на явном или неявном, жёстком или умеренном, последовательно или бессистемно проводимом *технологическом детерминизме*. Эту тенденцию в большей или меньшей степени можно проследить в работах 60-80-х гг. XX в. основоположников постиндустриализма/информационизма Д. Белла [1], З. Бжезинского [9], Э. Тоффлера [7], Й. Масуды [12] и других. Однако в последнее время многие исследователи, пишущие по указанной проблематике (хотя, разумеется, не только они), склонны дистанцироваться от данной концепции.

Саму эту проблему удачнее всего сформулировал Д. В. Иванов: «...являются ли изменения общественных отношений функцией от изменений технологических, или же общественные изменения представляют собой серию технологических, экономических, политических и иных тенденций, корреляции между которыми вовсе не обязательно предполагают существование однозначных причинно-следственных связей» [3, с. 13]. Выбор первого из двух альтернативных вариантов, как очевидно, означает принятие концепции технологического детерминизма, выбор второго – отказ от этой концепции.

Целью данной работы является обоснование двух взаимосвязанных положений. Во-первых, как будет показано ниже, технологический детерминизм предлагает нам определённое, но неадекватное решение проблемы взаимоотношений технологии и общества. Из того несомненного положения, что ни одно общество не может существовать без (той или иной) технологии, никак не следует, что технология определяет развитие общества, развитие социального как такового. Технология, как, впрочем, и всякий другой отдельно взятый «фактор», не может определять развитие общества в целом, тем более «во все времена»: она воздействует на общество наряду с другими социальными факторами, в тесном переплетении с ними. Поэтому, во-вторых, социальные изменения инициируются, наряду с другими факторами, не технологией самой по себе, а определённым и при этом не единственно возможным *социально обусловленным способом её применения*.

Предложить решение проблемы влияния технологии на общество, альтернативное технологическому детерминизму, удобнее всего на основе теории общественных изменений, которую мы находим в работах представителей исторической социологии, прежде всего Р. Будона [2] и П. Штомпки [8]. Согласно этой концепции, следует говорить не об *изменении общества*, а об *изменениях в обществе*, которое представлено множеством тенденций, процессов различной природы (экономических, политических, культурных и т.д.) и чаще всего различного, независимого друг от друга происхождения. Совокупность этих тенденций образует единое движение, в ходе которого указанные процессы могут демонстрировать весь возможный спектр отношений: от автономности и полной независимости друг от друга до достаточно тесной взаимообусловленности, от благоприятствующей друг другу комплиментарности до взаимоисключающего антагонизма. Для взаимодействия социальных процессов, а значит, и для трансформации общества в целом характерна ситуативность, зависимость от конкретных условий, а также вариативность, непредзаданность направления изменений.

Однако *методологически* (и только методологически!) удобнее всего рассматривать «технологию» и «общество» как две квазинезависимые переменные, каждая из которых обладает своей «логикой развития». Такой подход основан на двух допущениях. Во-первых, общество мы условно рассматриваем как нечто целостное, хотя в действительности, как уже было сказано, оно включает в себя социальные, экономические, культурные и т.д. процессы. Во-вторых, «технология» мы условно выносим за пределы социального, хотя

в действительности развитие технологии также относится к числу общественных процессов, и общество не может быть понято или описано без его технологических инструментов.

Следовательно, такая позиция потребует от нас некоторого интеллектуального усилия по различению методологического и онтологического. Если методологически мы разграничиваем технологию и общество, то фактически (онтологически) соотнесение концептов «технология» и «общество» означает выяснение соотношения технологических процессов в обществе со *всеми другими* общественными процессами. Поэтому ключевым при анализе эволюции общества должен быть концепт «корреляция» (согласованность), а не концепты «детерминация» или «причинно-следственная связь». Процессы в общем случае влияют друг на друга, а не являются «причиной» и «следствием».

Разделение концептов «технология» и «общество» мы находим, например, в работе М. Кастельса [4]. По его мнению, новые социальные формы и процессы не возникают как следствия технологических изменений, равно как и общество не предопределяет развитие технологий, так как в процесс научных открытий, технологических инноваций вмешиваются многие факторы, включая индивидуальную изобретательность и случайное стечение обстоятельств.

Похожую позицию ещё в 60-е гг. XX в. озвучил Ю. Хабермас, разграничившей «практическую» (социальную) сферу и «техническую» сферу. Практическая сфера – это сфера интеракции, взаимодействия и общения, а техническая сфера – это сфера труда. Сравнивая свою позицию со сформулированной концепцией противостояния труда и капитала К. Маркса, учёный пишет: «Мне кажется, что схожее, но отличающееся более общим характером отношение между институциональными рамками (“интеракция”) и подсистемой целерационального действия (“труд” в широком смысле как инструментальное и стратегическое действие) больше подходит для реконструкции социокультурных этапов истории человечества» [Цит. по: 6, с. 178].

Ту же идею мы находим в концепции А. П. Назаретяна [5]. Общество, по словам исследователя, является неравновесной системой особого типа, так как её устойчивость обеспечивается искусственными механизмами опосредования отношений внутри системы и отношений системы со средой. Комплекс таких опосредующих механизмов принято называть культурой. Учёный выделяет две подсистемы культуры – «технологическую» и «гуманитарную». К технологической подсистеме культуры он относит способы, средства и приёмы преобразования внутренней и внешней среды, которые использует человек. Под «гуманитарной» культурой здесь понимаются механизмы регулирования отношений общества к среде и отношений между людьми внутри общества. По сути, они являются культурно-психологическими механизмами сдерживания агрессии.

Далее А. П. Назаретян, описывая отношения технологии и общества, формулирует гипотезу техногуманитарного баланса: «...чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства культурной регуляции необходимы для сохранения общества» [Там же, с. 112]. Эта гипотеза родилась из сопоставления двух общеизвестных фактов. Факт первый: технологическая мощь человечества постоянно увеличивается, а как следствие, возрастает наше давление на среду и на самих себя. Вряд ли кто-то будет оспаривать это положение, особенно если сравнит современного человека с древними охотниками. Факт второй: несмотря на это, общество каким-то образом продолжает существовать. Следовательно, заключает учёный, вместе с технологиями совершенствовались и механизмы регулирования общественной жизни: «Люди пока не истребили друг друга и не разрушили природу благодаря тому, что, проходя через горнило драматических кризисов, они в конечном счете адаптировали своё сознание к растущим технологическим возможностям» [Там же, с. 130].

Итак, «технология» не определяет развитие «общества», но и сама не определяется им. Так называемый технико-технологический базис общества, если и детерминирует развитие социальной системы, то не в положительном, а в отрицательном смысле. Это означает, что наличные технологии задают *меру* возможностей (реализуемых целей) данного общества, отсекая заведомо неосуществимые при данных обстоятельствах способы решения социальных проблем и пути эволюции данной социальной системы. Излишне говорить, что в случае скачка в развитии технологии изменяется и мера реализуемых целей общества. При данной же технологии общество не может выйти за пределы этих ограничений, но внутри заданного диапазона возможностей его функционирование и изменение вариативно.

Мерой здесь является *спектр возможных вариантов использования* определённой технологии. Отсюда, если общество ставит перед собой не осуществимую при данном уровне развития технологии цель, то её реализация с *необходимостью* закончится неудачей. При «положительном» использовании такая *необходимость* отсутствует: одна и та же технология может использоваться различным образом, приводя к различным социальным и культурным последствиям.

При анализе технологических новаций и их влияния на общество, полезно разграничивать *возникновение* новой технологии и её дальнейшее распространение и применение обществом. В инноватике первую фазу иногда называют генезисом (возникновением и первоначальным развитием), а вторую – диффузией (распространением) инноваций.

Технологическое развитие общества, насколько можно судить, представляет собой перманентный инновационный процесс, результаты которого зачастую характеризуются эмерджентностью (непреднамеренностью, неожиданностью). Поэтому генезис новой технологии, по всей видимости, в значительной степени обусловлен внутренними факторами развития знания, а также индивидуальными способностями, творчеством (даже если индивид встроен в некоторые коллективные структуры по производству знаний и технологий). Социокультурный контекст может лишь увеличивать или уменьшать инновационный потенциал общества или какой-то социальной группы, может благоприятствовать или неблагоприятствовать изобретениям, но не может предопределять их.

Важно понимать и то, что возникновение новой технологии, являющееся эмерджентным процессом, не предопределяет его дальнейшего использования. В частности, мануфактурное производство в период своего

возникновения, если использовать выражение Л. Мэмфорда (L. Mumford), «генетически и символически» было связано со становлением капитализма [6, с. 79]. Однако, как показала история, эта связь не является необходимой. Так, например, в России XVII – начала XVIII в. многие мануфактуры принадлежали государству, и на них зачастую использовался труд приписных крестьян.

В отличие от процесса возникновения новых технологий, при применении технологических инноваций собственно социальные факторы приобретают решающую роль. Технологии, как мы уже говорили, не определяют развитие общества, они *используются, применяются* обществом для реализации различных *социально установленных* целей. Идея о разграничении возникновения новых знаний и технологий, с одной стороны, и их последующего социально обусловленного *использования*, с другой, находит в научной литературе всё более широкое признание, в том числе в отношении так называемых информационных технологий, хотя и не только их.

В частности, уже упоминавшийся М. Кастельс отмечает, что прорыв в области информационных технологий в 1970-х гг. в значительной степени связан с экономическим кризисом 1973-1975 гг.: кризис побудил капиталистическую систему к радикальной реструктуризации в глобальном масштабе, фактически сформировав новую модель накопления, исторически порвавшую с послевоенным капитализмом [4].

Правда, американский исследователь не желает упрощать ситуацию. Возникновение первой волны технологических новаций он всё же связывает с внутренними факторами развития знания и технологии. По его выражению, первая волна информационно-технологических инноваций «была скорее технологически индуцирована, чем социально детерминирована». На основе совокупности открытий и изобретений сформировалась информационно-технологическая система. Но в отличие от возникновения, развитие и применение этой системы, а в конечном счете и ее содержание решающим образом формировались историческим контекстом, в котором она росла и расширялась. Дальнейшее углубление информационной революции, подчёркивает Кастельс, происходило «в кумулятивной петле обратной связи между инновацией и направлениями использования инноваций» [Там же].

В целом исследователь неоднократно подчёркивает роль социальных условий для технологического развития и способов применения технологии, в том числе и для предшествующих информационной революции технологических прорывов: «Так, специфические социальные условия благоприятствуют технологической инновации, которая сама облегчает путь экономическому развитию и дальнейшей инновации. Однако воспроизводство таких условий есть проблема культурная и институциональная, как и экономическая и технологическая. Трансформация социальной и институциональной среды может изменить темп и географию технологического развития (в качестве примера можно привести Японию после реставрации Мэйдзи или Россию в краткий период при Столыпине), несмотря на то, что предшествующая история тянет за собой значительный инерционный шлейф» [Там же].

Поэтому современное общество, считает Кастельс, «не может быть понято без взаимодействия между этими двумя относительно автономными тенденциями: развитием новых информационных технологий и попыткой старого общества перевооружиться, используя власть технологии на службе технологии власти. Однако исторический результат такой полуосознанной стратегии по большей части остается неопределённым, ибо взаимодействие между технологией и обществом зависит от стохастических отношений между огромным количеством квазинезависимых переменных». Отсюда становится понятным и общий вывод учёного, касающийся информационной революции и её социальной обусловленности: «...информационно-технологическая революция культурно, исторически и пространственно зависела от очень специфического стечения обстоятельств, характеристики которого определили ее будущее развитие» [Там же].

Как уже говорилось выше, в учении Ю. Хабермаса [6, с. 171-181; 10] мы также находим идею разделения «практической» (социальной) и «технической» подсистем общества, причём в последнюю он включает не только саму технику, но и способы её использования, действия согласно техническим правилам. По сути, речь идёт о технологии, которую, однако, сам немецкий философ называет «инструментальным действием», отличая его от «социального действия», характерного для «практической» сферы общественной жизни. Каждая из этих сфер, или иначе – подсистем, основана на своих принципах, правилах и поэтому обладает, если так можно выразиться, своей собственной логикой функционирования. Действие в «практической» сфере основывается на общении, ориентированном на культурные ценности и апелляции к разуму; оно предполагает диалог, социальное взаимодействие. Инструментальное действие в «технической» сфере, напротив, ориентировано на эффективность, достижение *уже поставленной* цели; оно монологично.

В современном обществе, считает Ю. Хабермас, нормы инструментального действия уже распространены на материальное производство, и поэтому «труд» также должен быть отнесён к «технической» подсистеме общественной жизни. Но наибольшие опасения мыслителя вызывает тенденция распространения логики инструментального действия на социальную сферу, а значит, на общество в целом. Эта тенденция, по его мнению, выражена в стремлении «технократического сознания» решать любые социальные задачи как технические, а также в техническом совершенствовании управления обществом по образцу саморегулируемой системы.

В конечном счёте техника и сопровождающая её технология рассматриваются исследователем лишь как чистое средство. Цели и нормы её *социального* применения разрабатывает общество. Поэтому даже технократическая концепция, предписывающая распространение правил инструментального действия на социальную сферу, формируется в самой же социальной сфере. Такое распространение инструментальных правил выглядит как опосредованное техникой и технологией возвращение в социальную сферу по петле обратной связи своих же собственных установок.

Наиболее рельефно и, пожалуй, достаточно радикально зависимость социальных эффектов, вызываемых технологией, от её социального применения прописана в концепции Г. Маркузе [6, с. 162-165]. Первоначально исследователь говорит о «политической интенциональности» западной науки и техники. Это означает, что наука и технология обеспечивают функции господства в буржуазном обществе, закрепляют отчуждение и

эксплуатацию, препятствуют эмансипации человека. При этом данная социальная роль обусловлена уже внутренним «содержанием» знания и технологии. Они (знание и технология) как бы имплицитно заключают в себе некий проект, который определяет, что общество «предполагает делать с людьми и вещами». Как мы видим, Г. Маркузе, в отличие от Ю. Хабермаса, полагает, что технико-технологический сегмент общества не только является резервуаром *средств* деятельности, но и предписывает *цели* социальным действиям.

Казалось бы, перед нами типичный технологический детерминизм. Но затем мы узнаём, что всё сказанное касается *только* исторически сложившихся в западных странах взаимоотношений науки и техники с обществом. При изменении таких взаимоотношений, уверен Г. Маркузе, изменилась бы и сама структура науки и технологии. Это значит, что в *небуржуазном* обществе наука вырабатывала бы иные концепции природы, изучала бы качественно другие явления, а технология предлагала бы иные способы действия по отношению к природе и человеку.

В этом контексте иначе воспринимается и заявление Г. Маркузе, что техника полностью поглотила культуру и полностью проектирует мир как тотальность, становясь главным фактором исторического развития. Это заявление следует рассматривать не как *теоретическое* постулирование технологического детерминизма, а как простую констатацию *факта*, описание исторически (эмпирически) конкретной ситуации, сложившейся на Западе к середине XX века.

Вариативность в использовании технологий, зависимость такого использования от направления собственно социальных процессов прекрасно прописаны в концепции виртуализации общества Д. В. Иванова. Сторонники теории информационного общества, говорит автор, утверждают, что развитие информационных технологий пойдёт в направлении создания систем централизованного управления и программирования социальных процессов, в направлении накопления и обработки данных с целью исчерпывающего знания характеристик и будущего поведения объекта, в направлении превращения научного знания в определяющий фактор общественной жизни, что сделает главными факторами социальной дифференциации, разделения общества на богатых и бедных не власть и собственность, а знание и обладание информацией. Однако, возражает далее Д. В. Иванов, в результате технического усовершенствования компьютеров и программного обеспечения не столько наращиваются функции компьютеров и сети Интернет, сколько совершенствуются визуальные и звуковые эффекты, делающие рабочую среду компьютера всё более похожей на «реальность». Отсюда следует уничтожающий вывод относительно концепции информационного общества: в настоящее время происходит не информатизация, а *виртуализация* общества.

Использование компьютерных технологий для задач виртуализации, по мнению исследователя, обусловлено господствующими в современном обществе тенденциями – тенденциями виртуализации общественной жизни, то есть замещения социальной реальности, реальных вещей и поступков их симуляциями (виртуальными образами). Виртуализация проявляется в различных сферах общественной жизни – экономике, политике, семейных отношениях, науке, искусстве.

Однако не следует думать, что виртуализация общества, по Иванову, является прямым следствием развития информационных (компьютерных) технологий. Исследователь критикует тех зарубежных социологов, которые рассматривают виртуализацию либо как прямое социальное следствие технологического развития, либо как социальный процесс, но опосредованный компьютерами и без них невозможный. Для самого исследователя социальное содержание виртуализации первично по отношению к её техническому содержанию: «Виртуализация в таком случае – это любое замещение реальности её симуляцией/образом – не обязательно с помощью компьютерной техники, но обязательно с применением логики виртуальной реальности. Эту логику можно наблюдать и там, где компьютеры непосредственно не используются. <...> Не компьютеризация жизни виртуализирует общество, а виртуализация общества компьютеризирует жизнь» [3, с. 19].

Более того, процесс виртуализации ещё и *исторически* предшествует компьютеризации. Он начинается, считает исследователь, приблизительно в середине XX в. и составляет основное содержание постиндустриальной (постмодернистской) эпохи второй половины XX – начала XXI в. И лишь в последние десятилетия прошлого века получает развитие тенденция всё более широкого *использования* компьютерных технологий для виртуализации (симуляции) общественной жизни. На смену индустриальному капитализму, заявляет Д. В. Иванов, приходит *виртуальный капитализм*.

Таким образом, диалектику взаимного влияния технологии и общества можно выразить посредством следующих исключающих технологический детерминизм положений.

1. Технология (или технико-технологический базис) не определяет направление эволюции общества и специфику общественных процессов, а лишь задаёт меру, диапазон их возможных состояний и направлений развития.

2. Возникновение научных и технологических инноваций обуславливается в значительной степени *внутренними* факторами (прежними научными и технологическими достижениями, «логикой» их изменений на данном этапе, индивидуальной изобретательностью потенциальных новаторов и т.д.), а внешние *общественные* условия лишь создают общий фон этого процесса, который может благоприятствовать или, напротив, не благоприятствовать открытиям и изобретениям.

3. Радикальные технологические скачки (технологические революции) представляют собой множество «мелких» гетерогенных (независимо возникших научных и технологических инноваций, которые с определённого момента оказывают взаимное влияние, усиливая и одновременно корректируя направление развития друг друга). Однако возможное применение технологических инноваций и тем самым направление технологической революции в значительной степени определяются социальным контекстом. Общество отсекает социально неприемлемые способы применения новых технологий, благоприятствуя в большей или меньшей степени другим способам их применения. Например, компьютерная революция, формы и направление

её протекания в значительной степени обуславливаются факторами экономического характера, в частности заинтересованностью бизнеса в становлении новых, инвестиционно привлекательных отраслей.

4. Технологический скачок приводит к определённым, иногда достаточно социальным изменениям. Однако к ним ведёт не новая технология сама по себе, а новая технология вместе с определённым, исторически конкретным её *социальным применением* – применением, которое обуславливается не «содержанием» этой технологии, а множеством экономических, политических, социальных и культурных факторов.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / пер. с англ. М.: Academia, 1999. 956 с.
2. Будон Р. Место беспорядка: критика теорий социального изменения / пер. с фр. М. М. Кириченко; науч. ред. М. Ф. Черныш. М.: Аспект Пресс, 1998. 284 с.
3. Иванов Д. В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 96 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; под ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 698 с.
5. Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории: синергетика – психология – прогнозирование. Изд-е 2-е. М.: Мир, 2004. 367 с.
6. Тавризян Г. М. Философы XX века о технике и «технической цивилизации». М.: РОССПЭН, 2009. 216 с.
7. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. М.: АСТ, 1999. 776 с.
8. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ.; под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
9. Brzezinski Z. Between Two Ages: America's Role in the Technotronic Era. N. Y., 1970.
10. Glaser W. Soziales und instrumentales Handeln: Probleme der Technologie bei Arnold Gehlen und Jurgen Habermas. Stuttgart - B., 1972.
11. Habermas J. Technik und Wissenschaft als «Ideologie». Fr. a. M., 1969.
12. Masuda Y. Information Society as Post-Industrial Society. N. Y., 1982.

INFORMATION TECHNOLOGY AND SOCIETY, OR WHETHER TECHNOLOGICAL DETERMINISM IS CONSISTENT OR NOT?

Aleksei Vladimirovich Goryunov, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy
Ul'yanovsk State University
algor74@inbox.ru

The author considers the problem of technology and society mutual influence mainly in the context of information technology development, rejecting technological determinism substantiates the thesis that social changes are not the result of new technologies themselves, but the result of certain socially conditioned method of their application, pays special attention to the conceptions describing the information technology impact on modern society, and in this regard analyzes the views of information society theory originators (D. Bell, A. Toffler, Y. Masuda, etc.), as well as modern foreign and native researchers' approaches to the problem of information technology role in society (M. Castells, D. V. Ivanov, A. P. Nazaretyan, etc.).

Key words and phrases: society; information technology; social changes; information society; technological determinism.

УДК 316.3/14

Рассматривая проблемы модернизации Российской Федерации, автор обращает внимание на необходимость учитывать все лучшее, что было в истории нашего государства, нашего общества, а также опыт проведения модернизации на Западе, в Китае. Ключевыми сферами модернизации, с точки зрения автора, должны стать образование и наука.

Ключевые слова и фразы: модернизация; образование; наука; инновации; национальная безопасность.

Снежана Руслановна Гостева, к.и.н., доцент
Кафедра «Философия, социология и история»
Московский государственный университет путей сообщения (филиал) в г. Воронеже
gosteva73@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ®

За прошедшее двадцатилетие после развала Советского Союза в Российской Федерации произошли колоссальные изменения, имеющие самые серьезные последствия как для общества и государства, так и для отдельных граждан. В 1990-е годы, первое десятилетие XXI столетия резко выросли преступность, наркомания, алкоголизм, коррупция, по ряду направлений снизились уровень и качество жизни значительной части населения, произошло падение (обвал) в экономике, промышленном и сельскохозяйственном производстве,